

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го Октября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10124.

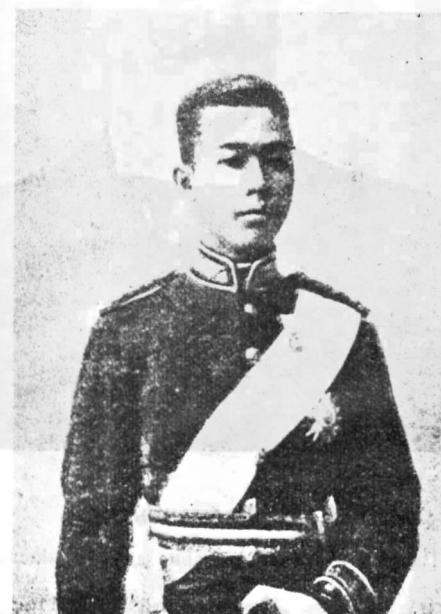
ВЕЧЕРОМЪ.

Студентъ Димитрій Шестаковъ сидѣть въ своей комнатушкѣ у деревяннаго ободраннаго стола и думаетъ.

Крѣпко охватилъ голову руками, и такъ мучительны эти его мысли, что время отъ времени онъ покачиваетъ головой, сжимаетъ руки въ кулаки и стонетъ тихо и жалобно, какъ ребенокъ.

Нѣсколько дней уже длится у него такое отчаянное настроеніе. Дома оно особенно усиливалось, и каждый вечеръ, вотъ такъ, какъ теперь, Шестаковъ садился къ своему столу, но книгъ въ руки не бралъ, работать не могъ и все думалъ.

Дѣло въ томъ, что стариkъ отецъ прислалъ ему изъ провинціи пространное и мучительное письмо. Помогать сыну онъ не могъ при всемъ на то желаніи. Самъ на старости лѣтъ мѣста лишился и нуждался въ помощи. И вотъ стариkъ писалъ, что Митѣ „слѣдуетъ вернуться домой — отца пожалѣть, маленькаго брата и себя“. Въ банкѣ Митѣ предлагаютъ мѣсто. И хорошее мѣсто — на 80 рублей. „Восемь-

Чулалонкорнъ.

Сіамскій король, скончавшійся 9-го октября.

Вачиравудъ.

Новый Сіамскій король.

Еще четыре года! Небольшія деньжонки, которая лѣтомъ, по окончаніи гимназіи, заработалъ онъ у себя въ провинціи, почти совсѣмъ изсякли. Поиски уроковъ, переписки или частной службы ни къ чему не приводятъ.

Да вотъ, вчера, напримѣръ, ходилъ онъ утромъ по объявленіямъ. Всѣ ноги избилъ, измучился. Куда ни придетъ, вездѣ цѣляя шеренга такихъ-же молодыхъ людей, какъ и онъ самъ. Сговорились даже меньше восьми рублей не брать и стояли въ очереди, какъ около билетной кассы театра. Наняли второго съ краю. Такой высокій, худой и скучающей юноша. Вышелъ онъ и весь буквально сіялъ, и Шестакову даже тяжело было вспоминать теперь, какъ остальные „кандидаты“ на эти жалкіе восемь рублей злобно и холодно смотрѣли на счастливца, а самъ онъ, Митя Шестаковъ, который никогда никого не обидѣль и въ гимназіи былъ общимъ любимцемъ, вдругъ почувствовалъ страстное желаніе подойти къ этому высокому, скучающему юношѣ и бить его по лицу, бить, чтобы не улыбался онъ, а жалобно-жалобно кричалъ.

Что-же дальше? Положимъ, и ему удастся найти маленькую работу. Но, вѣдь, еще четыре года. А отецъ, а братъ...?

Шестаковъ схватился за голову и снова тихо занылъ, сжимая кулаки. И чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ правдивѣе становилось письмо отца. Оноказалось уже единственнымъ выходомъ изъ положенія. оноказалось „сказкой и манило, влекло его. „Восемьдесятъ рублей, вспоминаль онъ, чрезъ полгода сто“. Наука, дипломъ, да, вѣдь, и то правда, что съ дипломомъ не всегда найдешь сто рублей. Наука тоже больше для сѣтыхъ удобнѣе. И опять злоба, отчаяніе и раздраженіе наполнили его сердце.

— Отецъ правъ, прошепталъ онъ.

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Шестаковъ подошелъ къ окну. Въ сумеркахъ вырисовался грязный уголъ двора; круп-

ными пушистыми хлопьями сыпался первый снѣгъ и таялъ внизу.

Зажегъ лампу, и когда глянули на него ободраннага стѣны его комнатушки въ пятнахъ и дырахъ отъ старыхъ гвоздей, то сдѣлалось еще тяжелѣй.

— Нечего и думать, рѣшилъ онъ вдругъ и подошелъ къ столу. Нѣтъ иного выхода. Отецъ правъ. Наука — совсѣмъ не демократическое развлеченіе.

Шутка не удалась. Не удалась и улыбка. Губы искривились, Шестаковъ запла-каль нервно, жалобно, а когда немного успокоился, сѣлъ писать отцу письмо. Онъ согласенъ, онъ вернется и займетъ мѣсто. Написавъ, онъ откинулся на спинку стула и замеръ въ полной неподвижности. Уже не было боли. Въ душѣ входила какая-то апатія, и хотѣлось бы скорѣе, скорѣе бросить все здѣшнее, чтобы и напоминаній даже никакихъ не было. Въ дверь быстро постучали. Цѣлый градъ легонькихъ ударовъ и, тоненький веселый голосокъ —

— Можно къ вамъ?

Шестаковъ вздрогнулъ и, точно просыпаясь, уронилъ:

Принцъ Чокрабонъ.

Нынѣшній наследникъ Сіамскаго престола. Офицеръ русской арміи.

— Можно.

Дверь быстро распахнулась, и въ комнату вошла высокая худенькая дѣвушка. Черная юбка, старая кофточка съ крохотнымъ до комизма барашковымъ воротничкомъ. Молодое лицико зарумянилось отъ холода, глазки блестѣли, а бѣлокурые волосы прядями выбились изъ подъ маленькой черной шляпки, и блестѣлъ на нихъ снѣгъ.

Ахъ, это Катенька Маропульцева, курсистка. Познакомились они какъ-то на лекціи. Тогда Катенька сидѣла рядомъ съ нимъ и, наморщивъ лобикъ, записывала что-то въ свою растрепанную тетрадку, изъ которой торчали какія-то цветные тряпочки. Жила по сосѣству съ нимъ, иногда заходила.

дѣсять рублей, писалъ отецъ, деньги, конечно, небольшія, но чрезъ полгода будешь уже получать сто, а въ будущемъ и выше подымешься. Возможно, до полутораста рублей дойдешь. Это деньги, которыхъ съ университетскимъ дипломомъ не всегда найдешь. А сколько лѣтъ мучений. Помощи ждать неоткуда тебѣ. Самъ ты хилый и слабый. Къ тому же и мое положеніе съ твоимъ маленькимъ братишкой прямо безвыходное. Иногда и хлѣба въ домѣ нѣтъ“.

Шестаковъ хрестнулъ руками, припомнила всѣ эти слова. Острое чувство жалости къ отцу снова наполнило его грудь, и въ то же время такими мучительными и прямо-таки невозможными представлялись будущіе годы ученія.

А. Л. Брэнфо.

Учительница французского языка въ Вознесенской женской гимназии. По случаю 30 лѣтней педагогической дѣятельности.

Л. М. Клементьевъ.

Пѣвецъ и актеръ, недавно скончавшійся въ Тифлісѣ.
См. "Южный Край" № 10116.

Н. Д. Ко佐овскій.

Бывшій профессоръ горнаго института, недавно скончавшійся.
См. "Южн. Кр." № 10119.

"Gaudemus" на сценѣ Харьковского (городского) театра Синельникова.

Танцы въ 4-мъ актѣ.

— Бэр.. Какой холодъ! Насилу добѣжалъ! И такъ красиво---первый снѣжокъ. Все бѣло-бѣло, и тишина торжественная. Когда идетъ снѣгъ, всегда торжественная тишина. Вы замѣтили? Да встарайтесь же! Застыли. Совсѣмъ руки замерзли, не стяну кофты. Ахъ, Господи, какой невѣжка! Да шевелитесь же. Не такъ. Вотъ кавалеръ! Тяните за рукавъ, теперь за другой. Такъ. Очень вамъ благодарна. А теперь безъ особаго приглашенія бросаюсь на вашъ порванній диванчикъ и отдыхаю. Охъ! Безконечно усталы.

Дѣвушка высыпала всѣ эти слова въ одну скунду. Отъ нея такъ и вѣяло веселостью. Сняла шубку, сдѣлалась еще больше тоненкой и изящной. Прижалась въ уголъ диванчика, отогревая руки.

— Ну, разсказывайте, что новаго? Да что съ вами? Больны вы, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ-то виновато произнесъ Митя. Что жъ у меня, все по старому. Вы о себѣ лучше.

— О себѣ? переспросила дѣвушка и на минуту задумалась, а потомъ сразу заулыбалась. Комично дула на руки, надувая щеки.

— А вотъ весь день бѣгала. Рѣшила—буду бѣгать и бѣгать. Съ десятокъ прошений подала во всевозможныя учрежде-

нія, кой-гдѣ рѣзко отказывали, кое-гдѣ обѣщали. Въ одномъ мѣстѣ даже очень обѣщали и скоро. Ну что вы смотрите такъ удивленно? Ей Богу, я вѣсъ сегодня не узнаю. Говорите—здоровы, а видъ у васъ рѣшительно больничный.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Я не могу понять, сказалъ Митя тихо, отчего вы такая радостная. Сами говорите бѣгали, да ничего не вышло.

— А завтра выйдетъ.

— А если не выйдетъ?

— Опять буду бѣгать.

Митя покачалъ головой.

— Совсѣмъ забыла! воскликнула Катенька. Минѣ безумно хочется чаю. Шла

жалкий, согбенный на своемъ стульѣ.

Она встала съ диванчика и быстро подошла къ нему.

— Нервы, сказала она серьезно и дѣловито, и денегъ, конечно, нѣтъ. Раскасились, какъ вѣсъ не стыдно? Я вошла и сразу замѣтила.

Она наклонилась немного, и, когда взгляды ихъ всгрѣтились, и Митя немногомъ смущился, повторила, уже улыбаясь:

— И вѣсъ не стыдно?

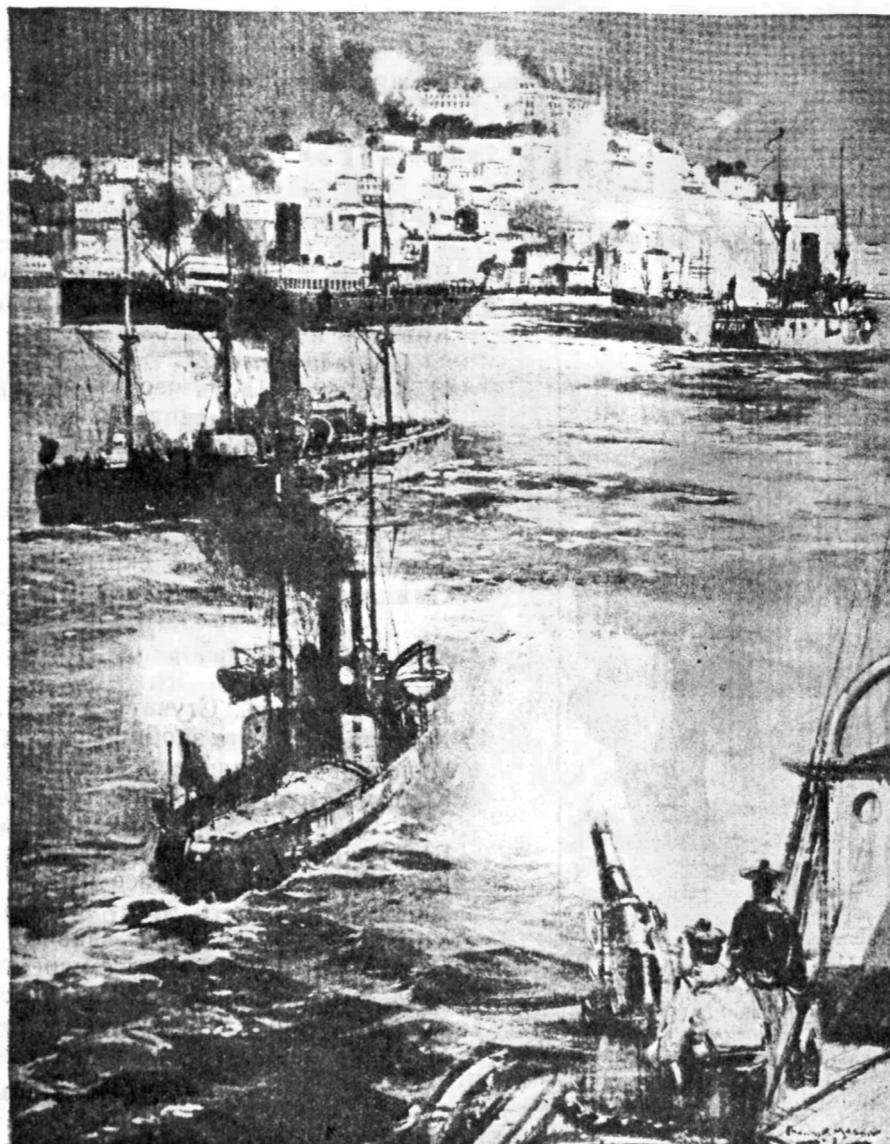
Митѣ захотѣлось вдругъ схватить ее за руки, прижалъ ихъ къ лицу и заплакать, все ейъ разсказать, и, кажется, стало бы легче. Пожаловаться хотѣлось,

какъ когда-то, маленькой, жаловался нянь-

Венизелосъ.

Глава греческаго кабинета.

Португальский флотъ бомбардируетъ королевскій дворецъ въ Лиссабонѣ.

къ. Но онъ переломилъ себя и только сказалъ:

— Тяжело, Катенька. Да не стоитьъ это говорить

— Это очень грубо! Ну, да вѣсъ можно простить. Одѣвайтесь. Купимъ чаю и все прочее. Я сегодня замоталась и обѣдь въ столовкѣ пропустила. А денегъ у меня полная сумка. Ей Богу, рубля два. Она вытянула впередъ и потрясла своей

одѣвайтесь, скомандовала она, уже смѣясь. Ну-те, скорѣй.

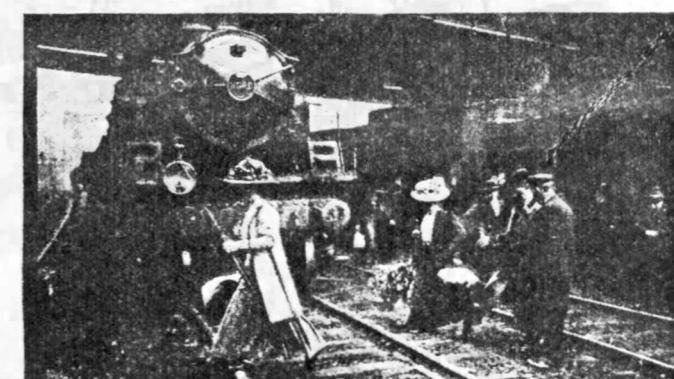
— Да куда? Право, вы сегодня дурите.

— Это очень грубо! Ну, да вѣсъ можно простить. Одѣвайтесь. Купимъ чаю и все прочее. Я сегодня замоталась и обѣдь въ столовкѣ пропустила. А денегъ у меня полная сумка. Ей Богу, рубля два. Она вытянула впередъ и потрясла своей

Желѣзодорожная забастовка во Франції.

Въ багажномъ отдѣлѣніи.

Высадка пассажировъ съ поѣзда, остановленного въ пути.

Военная охрана сигнального поста.

рыженькой сумочкой.—Идемте. Не хочу одна мерзнуть.

Митя поднялся, почти смѣясь.

— Господи, какая вы, Катенька, славная, какая вы..

— Ну ну!

— Удивительная вы, вотъ что.. Я и не зналъ. А если бы зналъ, можетъ быть, самъ давно къ вамъ отправился.

Снѣгъ шелъ еще гуще. Былъ по лицу, заползалъ за воротникъ холодными капельками и заставлялъ вздрогивать. Звенѣли трамваи. Быстро шли прохожіе, подгоняя морозомъ. Электрическіе фонари, запущенные снѣгомъ, проливали мягкий матовый блескъ.

Катенька забѣжала въ бакалейную лавку на углу, купила что нужно, а потомъ всю дорогу болтала. Плановъ у нея безконечное множество. Она и пѣть намѣрена учиться, и заняться французской литературой, и намѣтила уже, куда пойти ей лѣтомъ.

И, слушая ее, Шестаковъ вдругъ почувствовалъ какую-то необыкновенную радость въ своемъ сердцѣ. Произошло

— Мама думаетъ, что, если бы ты поступилъ къ намъ на фабрику, папа согласился бы на наше обрученіе.
— Но, милая,—вѣдь, я поэтъ.
— Это не бѣда. Ты писалъ бы стихи для рекламы нашего („Fleg. Bl.“).

— Почему кланяется вы такъ почтительно всѣмъ пріѣзжающимъ?
— Въ отвѣтъ мнѣ тогда снимаютъ шляпу. Ожидаемый мною господинъ имѣетъ плѣшь, и только по этому признаку я его признаю. („Fleg. Bl.“).

это такъ сразу и неожиданно, точно какое чудо.

Было бодро, весело, такъ что запѣль бы, кажется, и все его горе, и отчаянное рѣшеніе оставить университетъ вдругъ показались такими мелкими, такими смѣшными.

— Катенька, шепталъ онъ срывающимъ голосомъ, Катенька, да кто васъ сдѣлъ такою удивительной? Вѣдь, на васъ молиться можно! Вѣдь, вы вся какъ звѣздочка сияете.

Дѣвушка смылась.

— Сами вы сегодня удивительный.

Пришли домой. Скоро зашумѣлъ самоваръ. Катенька полоскала стаканы и продолжала щебетать.

Митя подошелъ къ столу, взялъ написанное отцу письмо и какъ-то торжественно произнесъ.

— Катенька, возьмите этотъ листокъ и разорвите.

— Да у меня руки мокрыя. Что вамъ въ голову взбрело? Рвите сами.

— Нѣтъ, нѣтъ, это вы должны сдѣлать.

— Полная таинственность! пошутила дѣвушка, дѣлая большие глаза. Ну давайте.

Она взяла листокъ и, разрывая его на мелкие кусочки, приговаривала: „Разъ, и еще разъ, и еще... Ф.Ф.Ф.—ничего не осталось.

— Однако, что сіе обозначаетъ? спросила она. Я заинтригована.

— Послѣ все, все объясню, строго сказалъ Митя.

И вдругъ подошелъ къ удивленной дѣвушкѣ, наклонился, взялъ ея влажную руку и поцѣловалъ такъ нѣжно и такъ почтительно, что она даже не улыбнулась.

— Вы меня, можетъ быть, отъ гибели спасли, прошепталъ онъ и улыбнулся.

— Его превосходительство принимаетъ?
— Такихъ хорошенъкихъ дамъ всегда.
— Таакъ?! Тогда скажите, что его спрашивается жена. („Fleg. Bl.“)

Катенька взглянула на него понятливо и махнула рукой.

— Довольно сентиментальничать. Я, вѣдь, такъ кушать хочу. Садитесь. Два куска вамъ сахара или три?

A. Станкевичъ.

